

БЭТЛКОРПС

Голиаф из табакерки

Рэндалл Н.Биллс
(Хроники горцев)

БЭТЛКОРПС

**Полуостров Ялоша
Цинюань, Нинпо
Терранская Гегемония
2 апреля 2457 года**

– Твою мать, тресни меня кирпичом. Эти узкоглазые, желтопузые капелланские дети, они нас продали! Они еще пожалеют о том дне, когда продали горцев! Да провались они в ад и назад и снова провались!

– Капитан!

Даррену Каллуэллу приходилось орать, чтобы его услышали среди выплесков гнева, а заодно и воя турбодизеля «Суворова», ножом вонзившегося в уши, колотящегося в висках. Дробящая костотряска, пока их танк выгрызала дорогу в стремительном бегстве, грозила вновь расстроить старый перелом плеча.

Капитан Хизер Льюис ещё секунду изливалась душу в своей литании сквернословия, прежде чем опустить взгляд горящих малахитовых глаз промежуточка между своих ног.

– Чего?!

Кто-нибудь другой мог бы счесть данную сцену интимной, с его лицом, чуть ли не вжавшимся ей между ног, и взглядом, направленным вверх на неё, сидящую в кресле командирской башенки. Но в отвратительно сделанной, вечно перегревающейся машине, мчащейся прочь от огня врага, с которым они даже ещё и не встретились, единственная интимность крылась в том, что их всех вот-вот поимеют до щелчка...

Он растер плечо, пытаясь умерить боль.

– Прежде чем развернулась РЭБ, «Бонни» получила сообщение. По их оценке, у них тридцать минут, прежде чем истребительный зонтик Гегемонии окажется на позиции, перекрыв им взлет.

– Да тресни меня... – отозвалась она, чуть пригнувшись, чтобы устранить необходимость орать. Она сорвала наушники, бесполезные, с тех пор как ЭМИ прошиб их, и швырнула их вниз, промахнувшись мимо лица Даррена на какие-то сантиметры. – Значит у нас всего двадцать.

Даррен кивнул.

– Капитан Беллап вечная оптимистка.

Хизер сдернула с головы шлем на минутку и поскребла взмокший череп. Затем смахнула несколько шальных прядей своих черных волос с продолговатого лица, изобилующего заостренными чертами, высокими скулами и чересчур узким подбородком, снова нахлобучила шлем, затем, потянувшись к набедренному карману, вытащила закатанную

в пластик карту, размером в ладонь. Сгорбившись на своем сиденье, она подняла её повыше и попыталась удерживать ровно, но тут «Суворов» натолкнулся на особенно мерзкий участок поверхности, швырнув их всех, словно гальку внутри жестяной банки у ребенка.

– Твою мать.

– Точно.

– Мы должны передать весточку назад полку. Трижды проклятая Маскировка продала нас.

– С выбитыми рациями и новыми электронными контрмерами, появившимся у васьков, мы не можем дать знать кораблям, что произошло.

Взгляд, которым они обменялись, сказал больше чем любые слова; и он и она знали, что капитан приказала бы посадочным кораблям взлететь, обменяв их жизни, если потребуется, на то, чтобы новость дошла до второго Кирни.

Что Конфедерации нельзя верить.

– Тайгершрайк, – наконец сказал он.

Кипящий гневом взгляд нашупал его, но уял под горящей жаждой мести.

– Мы его тормозим, – сказала она.

– Точно.

Вонь дизельного выхлопа окутала их, ядовитое черное облако заставило всех кругом закашляться. Даррен едва не вывихнул челюсть, выкашливая сгусток мокроты. Ну, когда-нибудь эта чертова Конфедерация создаст, наконец, нормальный танк?

– Нам придется блокировать васьков от попытки врезать по нему мимо нас.

– Точно.

Взгляд, которым они обменялись, признал неизбежность этого.

Резко кивнув, она заорала:

– Водила, тормози!

После чего ухватившись за большой и грязный красный флаг, встала и принялась им размахивать, заставляя бронеколонну встать.

Движущееся стадо танков и бронетранспортеров, что и составляли усиленную роту вторых горцев Кирни, постепенно принялось тормозить среди облаков дыма и выхлопа. Её ноги исчезли из виду – она помчалась поговорить с быстрейшим танком во всей колонне – с «Тайгершрайком».

Конечно, это был лигийский танк. Ещё бы. Даррен покачал головой, стаскивая собственный шлем для экстренной процедуры почесывания, в уме прикидывая количество машин между нею и лейтенантом Джеймсом. Ни за что он не побежит на такое расстояние без приказа, но никто, ну никто не скажет слова поперек, когда скуластая королева что-либо делает. Именно потому они за ней все и следовали.

Именно потому он следовал за нею.

За то время, пока он проверял механизм подачи снарядов у автопушки, минуло две минуты. Ещё он попытался разобраться в схеме, в попытках выловить точное место замыкания в системе связи, вообще-то на то, чтобы отследить концы в этой груде дымящихся деталей требовалось как минимум часа три, но он просто пытался занять себя. Глухой удар человеческого тела, запрыгнувшего на танк, спас его от неминуемого провала прежде, чем он зашел слишком далеко.

Обтянутые зеленым мускулистые икры показались в поле обзора. По-быстрому он отхлебнул застоявшейся воды, после стольких часов в танке практически не замечая привкуса солярки.

– Водила, пора дать васькам знать, что им потребуется чертова их монструозная машина, если они хотят сделать горцев.

– Точно, черт возьми, капитан, – заорал в ответ водитель, поддавая газу, и разворачивая танк назад.

Даррен перебрался назад на свое место у затвора, позволявшее ему заглянуть через плечо водителя и посмотреть в узкую смотровую щель. Он как раз успел увидеть, как «Тайгершрайк» принял плеваться пылью из-под юбок, вырваливая в сторону посадочного корабля, пока дюжина танков разворачивалась кругом, дисциплинированно сохраняя строй, словно в балете исполняя слаженный пируэт, с гусеницами-ногами, движущимися в унисон. Он кивнул, ничуть не удивленный, но всё же тронутый этой демонстрацией дисциплины и храбрости. Все они знали, что ожидает их, и никто не уклонился от ответственности.

Горцы. Все они.

– Народ, давайте позаботимся об этом.

– Есть, командир, – прозвенел его голос наряду с водительским.

Танки, по большей части тяжелые, всё равно набрали хорошую скорость, принявшиеся накатываться. Набирая темп, с которым они разносili одного врага за другим в кампаниях, виденных им бок об бок со скучастой королевой. Он скрипнул зубами, не желая признавать страха, крутившего ему живот, словно трижды проклятый маскировщик, скользящий в траве.

Хизер сказала что-то, что он прослушал.

– Что, капитан? – заорал он, чуть подвинувшись так, чтобы ухо вышло на прямую видимость с креслом, где сидела она, с головой чуть высунутой из люка.

– Всё это была сплошная ложь.

Оно немного помедлил, прежде чем ответить.

– Да, капитан. По-моему так и есть. Этот мир ещё не созрел, чтобы его срывать. Зато созрел для того, чтобы бросить небольшое наемное подразделение в жернова нового оружия вассальков и затем посмотреть, что получится. Посмотреть, нужно ли капелланцам бояться этого нового оружия. – Он кашлянул, рот пересох от жара, принявшегося увели-

чиваться вновь, дизельные двигатели принялись опять источать температуру, с которой их хладожилеты неправлялись. Вздымаемая движущейся танковой колонной пыль лишь оттеняла недостаток влажности.

– Расходный материал.

– Ага, капитан. Отличное определение для наемного подразделения.

– Нет, хрена! – заорала она, оседая так, чтобы вновь вперить в него свой малахитовый взор. – Нельзя относиться так к наемникам. Нельзя относиться так к горцам. Сделай такое и мы врежем в ответ, и неважно сколько времени на это потребуется. Память – штука долгая.

Её праведный гнев заразил и его, и он мрачно кивнул.

– Точно. Долгая.

Даррен открыл было рот, но не нашел слов. Они обменялись понимающими взглядами, преисполненным приязни людей, прошедших огонь и воду и все остальное, людей, что будут держаться спиной к спине и под занесенной косой мрачного жнеца.

В первый раз на всё время, что он помнил, её сурое лицо просветлело, и слабая улыбка коснулась губ, непривычных ни к чему другому, кроме гневных гримас.

Что тут скажешь…

Даррен повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть нависающую башней громадину из блистающего металла и безумных выступов, высосшую почти в километре поодаль.

Если в его рту и оставались какие жалкие следы жидкости, они тут же пересохли, а кишкы принялось крутить словно танковыми гусеницами в развороте, раздирая и кромсая их.

– О, боже, – вымолвил он, даже и не осознавая, что заговорил, и принял креститься. Отдаленно человекообразный ходячий титан обладал не руками, но двумя стволами, размером чуть ли не с сам «Суворов». Вряд ли он мог сказать точно с такого расстояния, но в нем запросто могло быть метров двенадцать росту, а может и больше.

Грацией в нем и не пахло. Это двигалось вперед галопом, что со временем наверняка переломает пилоту все кости в заду. Оружие титана, выглядя грозным, вряд ли превосходило их собственное, но какой-то неописуемый ужас исходил от него, подобно вирусной чуме прорывающейся сквозь один герметичный люк за другим. Какой-то кроющийся в глубинах психики ужас пред гигантом подобных пропорций. Сказки тысячелетней давности воскресли внутри, истории о монстрах и демонах, об Атхаке, бесформенном гиганте-чудовище, подстерегающем жертв в узких ущельях, на берегах озёр. Он пытался избавиться от все возрастающего ужаса, но просто не мог найти способа. От страха у него перехватило горло, затрудняя дыхание.

Ещё одно изображение, впитанное на коленях у бабушки всплыло в памяти – царь Давид, сходящийся с Голиафом прямо на страницах

древней иллюстрированной библии, о которой говорили, что она была в семье ещё на древней Терре, задолго до воськов, задолго ещё даже до альянса.

Расстояние между новой машиной, он просто вспомнил, как они зовут эти чертовы ходячие танки, и то не мог, и танковой колонной горцев сокращалось, а он все продолжал бороться с терзающими его демонами. Он пытался успокоить себя тем, что Давид всё же побил Голиафа, но ощущал в себе лишь пустоту, и всё расширяющуюся пропасть. Он не был в церкви с тех пор, как бабушка умерла, и если бог и имелся где-то, он явно был занят и уж точно не смотрел с небес на оружие, что Даррен знал, вот уж точно перевернет сложившиеся порядки боевых действий. С танками все кончено.

С ними все кончено.

Бог не превратит прицел автопушки в золотой слиток, что прячет из пращи в уязвимое место брони, скользнет под шлем и убьет пилота, позволив горцам отрезать ему голову и поднять высоко-высоко.

Лазурный сверкающий луч энергии прорезал воздух, выстрелив из машины куда-то чуть-чуть правее их, и Даррен съежился, неспособный сдержаться. Результата он не увидел, но детонация и волна жара говорили сами за себя.

– По моей команде! – заорала капитан.

Ко его стыду, её спокойный голос помог отогнать трясучий ужас, угро-живший растерзать его подсознание кровавыми клыками и бритвенно-острыми горящими когтями. Он тут же вернулся к отработанным за два десятилетия движениям.

– Огонь!

Правая рука стиснула кулак, словно сжимая пращу, и он нажал га-шетку пушки. Рык визжащей стали выплеснувшейся в сторону мон-струозного конструкта, заставил его преисполниться благодарности за шлем, невзирая на жару и чесотку.

Целая вечность жара и пота и страха, кипящего и вырывающегося. Варево из крови и смертей, размешиваемое новым аватаром из ходяще-го металла, кромсающего, рубящего и убивающего горцев при каждом развороте.

Слишком измотанный, чтобы говорить, со звоном в ушах от грохота автопушки, и дерганых движений «Суворова», с глазами, слезящимися от едкого дыма и вони горящего металла и плоти, с языком, распухшим, пока он не принял дышать через окровавленную тряпку, спешно оторванную от рукава, лишь для того, чтобы остаться в живых, Даррен продолжал сражаться.

Поскольку он присматривал за спиной капитана, а она присматри-вала за его.

Поскольку все они умерли, ступив на поверхность этой проклятой планеты. Но это не имело значения, поскольку именно этим горцы

и занимаются. Сотни лет подряд. Сражаются и умирают за нации, которые мало волнует, сколько крови прольется в чужих землях. Но у них есть собственное наследие. Собственная история и самосознание и они сражаются за себя.

Жуткий грохот сокрушил его барабанные перепонки, и его швырнуло вбок, влепив головой о затвор, расколов шлем на две половинки. Он заорал, когда плоть принялась отставать от лба, коснувшегося раскаленного, чуть ли не светящегося металла, одновременно кровь хлынула из ушей и носа, а звездочки принялись танцевать окрест, застив зрение.

Поплыv куда-то далеко, за пределы собственного тела, он отстраненно осознал, что лежит на ногах Хизер. Медленно он моргнул несколько раз, прежде чем то, что он видел, обрело четкость. Верхней части башни более не существовало, сорванной полностью зверским пинком машины, заслонявшей солнце, и с её тенью надвигалась и смерть.

Он попытался окликнуть её по имени в последний раз, прежде чем осознал, что сжимает руками лишь её окровавленные ноги. Хотя отчаяние попыталось воспрять внутри, гнев тут же его прихлопнул. Гнев его командира, направленный на себя в момент их смертей.

Он так никогда не узнает, взлетит ли корабль, узнают ли горцы о предательстве, но всё это не имело значения. И когда огромная нога сокрушала жизнь последнего горца на планете, единственная мысль поддерживала его...

Они сражались как горцы, и большего просить он не мог.

Конец

прим:

Васьки – Вооруженные Силы Гегемонии